

экономических исследований»; под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы; Н.В. Шемякиной; ГУ «Институт экономических исследований». — Донецк, 2020. — 260 с.

11. Deon Geldenhuys. Contested States in World Politics. — Palgrave Macmillan, 2009. — x, 295 p. — ISBN 978-0-230-23418-5.

УДК 330.101.8
ГРНТИ 06.39.02

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К АНАЛИЗУ КОРРУПЦИИ

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.8.84.1315

Вакурин А.В.

*Доцент кафедры
Экономики и финансов Московского
Международного Университета.
+79096657407*

ABOUT SOME APPROACHES TO ANALYSES OF CORRUPTION

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются различные теоретические подходы к анализу коррупции, как сложного явления, причины которого коренятся не только в нарушении уголовно-правых норм, но и в переходном характере экономики, стереотипах массового сознания, попытках манипуляций в интересах борьбы кланов. Анализируется влияние неформальной экономики на устойчивость коррупционных механизмов. Подчеркивается необходимость комплексного противодействия коррупции не только уголовно-правовыми методами, но и экономическими, политическими.

ABSTRACT

The different approaches to the analysis of corruption are regarded in the article, because of the complex character of the corruption, the main factors of which are not only criminal law violations but also transitional nature of the economy, mass consciousness stereotypes, and the attempts to manipulate in the interests of clans struggle. It is observed that the informal economy contribute to the stability of the corruptive mechanism. It is emphasized the necessity to take complex actions to the corruption not only with methods of enforcement units but also in the first place with prevention methods, such as economic and politic methods.

Ключевые слова: коррупция, теоретические подходы к анализу коррупции, системный характер коррупции, экономические и институциональные факторы, формальная и неформальная экономика.

Keywords: Corruption, theoretical approaches to corruption analyses, system character of the corruption, economic and the institutional factors of the corruption, formal and informal economy.

Коррупция, как девиантное поведение, стала заметным явлением с начала 90-х годов и продолжает сохранять негативное влияние на протяжении всего последующего 30-летнего периода. Взрывной рост коррупции традиционно связывают с переломными, кризисными периодами в жизни общества [1], когда, как, например, в последние годы империи до 1917 г. или в 80-е годы советского общества, фактор коррупции в усилении кризисных процессов резко возрастал.

Вместе с тем интенсивность, масштабность и длительность явления коррупции в пореформенный период новой российской истории, в силу ее беспрецедентных масштабов и угроз обществу и экономическому росту, требует развития концептуальных подходов к ее анализу.

В подходах к анализу коррупции по ряду работ [2] можно выделить 3 направления. В рамках первого направления коррупция традиционно рассматривалась как проблема, относящаяся по преимуществу к уголовному праву, в анализе которой использовались унаследованные подходы из советской традиции борьбы со взяточничеством. В российский, постсоветский период становления новой правовой системы этот подход дополнился за

счет включения анализа практики применения гражданско-правовых и административно-правовых методов противодействия и превенции коррупции. Этот период отмечен экстенсивным описанием разнообразных проявлений коррупции, выявлением правовых лагун в нормативных актах, не способствующих ее превенции, анализом эффективности различных специальных служб и правоохранительных подразделений с разной степенью успешности осуществляющих деятельность по ее нейтрализации. Вместе с тем, имеется болезненный опыт 15-летнего обсуждения законодательства о коррупции в 90-х, длительное отсутствие общепринятого определения коррупции, неоднозначное отношение законодателя к принятой в Российской Федерации Конвенции ООН против коррупции в части конфискации имущества лиц, осужденных за коррупционные правонарушения [3].

Это вызывают сомнения в полноте и достаточности одних только методов уголовно-правовой политики в противодействии коррупции. Не случайно, авторы, придерживающиеся данного подхода, рассматривают, как эффективные, по преимуществу, репрессивные методы подавления коррупции. Не случайно также и то, что, в

противовес этой позиции, все большее понимание встречает позиция противоположная. Согласно ей предупреждение коррупции должно иметь приоритет перед другими мерами, включая репрессивные [4]. Не отвергая первый подход, следует отметить небольшое поле практик, где этот подход может быть плодотворным.

Эффективная система мер предупреждения коррупцией возможна только при использовании системы экономических, политических, правовых и психологических мер с целью понижения влияния факторов коррупции до уровня, не препятствующего развитию общества. Анализ адекватности и эффективности применения этих мер предполагает иной подход к пониманию коррупции.

В рамках второго подхода коррупция понимается как некий неизбежный, побочный продукт курса на структурные, рыночные преобразования и проведения рыночных реформ. Коррупция рассматривалась как некая плата, которую общество должно нести за сравнительно быстрый переход на кардинально новые основы организации экономики на рыночных началах. Коррупция даже рассматривалась как инструмент, рычаг преобразований, смягчающий и облегчающий перераспределение собственности [5]. Однако считалось, что по истечении короткого времени рыночные механизмы путем спонтанного саморегулирования приведут к равновесию экономику, и правовое поведение предпринимателей и государственных служащих придет в норму. При этом упускалось из виду институциональные факторы. Сохранилось влияние традиций и стереотипов поведения, сложившихся в системе бюрократического торга нижестоящих и вышестоящих уровней власти в рамках советской системы централизованного управления на протяжении 60-80-х годов, предметом которого были как материальные ресурсы, так и статусные должности и различного рода привилегии [6].

В этом отношении важным является наблюдение Ю.Левады о том, что после глубоких переломов общественной жизни на поверхность выносятся то, что ранее существовало в скрытом виде [7].

И тогда осознается реальная проблема, которая не сводится к размерам и масштабам взяток, она – в характере и функциях коррупционных механизмов, коренящихся в унаследованной системе горизонтальных и вертикальных отношений экономики и власти. Они продолжают сохранять свое влияние, несмотря, а может быть, и вследствие институциональных изменений, которые вследствие шокового характера не затронули их базисных характеристик.

Система «коррупционных» сделок, в основном, не денежного характера, пронизывала советскую систему централизованного планирования снабжения, учета, планирования Статус, власть, привилегии были разменной

монетой, которая использовалась в сделках по доступу к богатству. В 90-х годах они дополнились массовыми, типовыми сделками по обмену богатства на статус и привилегии. При этом уровень приспособления населения, а значит и уровень терпимости к коррупционной среде был и остается достаточно высоким, в правовом и бытовом сознании отсутствует четкая граница между коррупционным и нормальным поведением.

На это обращают внимание Заславская Т.И. и Шабанова М.А. в своем исследовании, когда указывают, что в результате трансформационного процесса в России происходит изменение институциональной структуры [8]. Содержанием этого изменения является рост массовости и устойчивости неправовых социальных действий, связанных с нарушением различных уровней норм права, в том числе, как посредством коррупционных действий работников, так и по отношению к работникам исполнительной и судебной власти.

То есть речь идет о своеобразной легализации ранее скрытых внеправовых практик. Здесь следует понимать так, - скрытые-, то есть, существовавшие во внезаконном пространстве, скрытые от системы правового регулирования, которого не существовало ранее в формах, соответствующих требованиям рыночной экономики. Только будучи легализованными, то есть очутившись в правовом поле, они уже могли быть квалифицированы как противозаконные, а, следовательно, и стать объектом антикоррупционного законодательства и антикоррупционной политики.

В экономическом аспекте коррупционные действия отличались по сегментам и сферам экономики в силу специфики сделок. Каждый из сегментов регулируется соответствующей подотраслью права, и именно развитие последних определяло в 2000-е годы условия эффективности по нейтрализации факторов коррупции. В частности, можно было наблюдать уменьшение динамики коррупционных правонарушений во внешнеэкономической деятельности по мере периодических изменений Таможенного кодекса, в налогообложении - от введения новых поправок в Налоговый кодекс, в сфере рынка ценных бумаг, где периодически обновлялось соответствующее законодательство об акционерных обществах. Однако, в бюджетной сфере, где наиболее часто вносились поправки в Бюджетный кодекс, такой динамики не наблюдалось.

Первоначальным толчком к взрывному росту коррупции в экономике стало шоковое формирование рыночного пространства. Либерализация экономической политики, сделала законными различные виды предпринимательской деятельности, бывшие ранее под запретом. Сыграли свою роль и демонтаж ряда государственных функций, неготовность институтов правопорядка и правоохраны к выполнению своих функций в новых условиях квазирыночной среды [9, с.177].

Шоковый характер проведения реформ 90-х сформировал, поднял и вывел ведущие социальные слои, осуществлявшие рыночные преобразования. Костяк этих групп, их авангард, включал ряд разнородных групп. Туда входили, в частности, работники бывших комсомольских и партийных структур, чиновничество министерств и ведомств, в том числе и в лице своих высших представителей, так называемые «цеховики». То есть, это были лица, осуществлявшие ранее незаконную теневую предпринимательскую деятельность, а также и криминальные элементы, подвизавшиеся на почве вымогательства, «крышевания» криминального бизнеса, работники снабженческих служб и другие. Легализация деятельности этих групп одновременно сопровождалась деформацией публичных функций государства и его структур в сфере экономики.

Исследователь данной проблемы В.В. Волков отмечает длительный на протяжении 1987-2000 годов процесс дефрагментации государства, в процессе которого размытыми оказались границы публичной сферы и частноправовой сферы [10, с.340].

Существовал своего рода вакуум в соответствующей части правовой инфраструктуре и правоприменительной практике, которая должна была гарантировать четко очерченные границы собственности [11, с.56]. В этих условиях характерным было то, что силовое предпринимательство, которое сначала было делом организованной преступности, затем, уже в 2000-х, после ее разгрома перешло к государственным силовым ведомствам. Автор выдвигает тезис, что «сбои и нарушения в поддержании структурных границ обычно называют словом «коррупция» а восстановление или укрепление государства в структурном аспекте – борьбой с коррупцией»

Однако следует отметить, что восстановление монополии государства на применение силы в рыночном пространстве не стало фактором преодоления его фрагментации, так как вместе с ликвидацией преступных группировок, государственные силовые структуры унаследовали и их функции по оказанию псевдоуслуг по негласной защите интересов различных хозяйствующих субъектов на коммерческой основе. Это получило название неформальная «государственная» крыша».

Для понимания характера коррупции в России важно учитывать особенности отношений формальной и неформальной экономики. В 90- и 2000-х годах сформировался мощный сегмент неформальной экономики, включающий в себя не только предприятия малого и среднего бизнеса, но и ряд экономических отношений, где субъектами были крупнейшие предприятия и государственные компании. На долю неформальной экономики по разным оценкам приходится от 30 до 40 % ВВП. В отличие от западных экономик, где неформальный сектор четко обособлен от легальной, формальной экономики, в российской экономике практически

невозможно провести четкую грань между предприятиями неформального сектора и легальной экономики, и еще более трудно разграничить формальные и неформальные экономические отношения, в которые вступают различные хозяйствующие субъекты [12, с.26].

Особенностью экономических реформ начала 90-х было то, что рыночные преобразования, проводились в пространстве, лишенном каких-либо элементов рыночной инфраструктуры. В результате, все хозяйственные отношения в публично-правовом пространстве носили вертикальный характер, в то время как горизонтальные экономические отношения оставались во власти норм если не черного, то серого рынка. Типичные для гражданского общества, легально-договорные отношения носили зачаточный характер. Экспансия предпринимательской активности не встречала никаких цивилизующих ограничений социально-правового контроля. «Серая» экономика генерировала институциональную коррупцию.

В результате это приводило к структурированию коррупционных практик. Отдельные экономические субъекты из состава вышеназванной предпринимательской элиты, господствовали одновременно, как в формальном, так и в неформальном секторах экономики [13]. При этом неформальные экономические отношения бизнеса и власти служили приводным звеном по отношению к формальному сектору экономики, действующему в правовом поле. Занимая ведущие позиции по отношению к формальному сектору экономики, неформальные экономические отношения были источником массовых коррупционных практик [14, с.37]. В этих условиях коррупция, носящая амбивалентный характер, достаточно легко приспособлялась к изменению направлений и методов экономической политики, что сказывается на составе и структуре коррупционных правонарушений в 90-е годы и 2000-2010-е годы. Наличие этой взаимосвязи, в частности, прослеживается в ряде работ [15].

Формальный сектор экономики был способен уменьшать коррупционное давление благодаря принятию ряда законодательных и иных нормативных актов, формированию новых рыночных институтов и легальных субъектов экономической деятельности [16].

Под неформальной экономикой, (вариант: параллельной, теневой экономики), понимается в данном случае совокупность разнородных видов деятельности, которые не связаны обязательным следованием или подчинением нормам законов [17, с.26], используют и/ или создают в своих целях, носящих заведомо антиобщественный характер, то есть наносящих обществу значительный ущерб, свободные от правового регулирования лагуны (злоупотребление правом). Достаточно упомянуть, в частности, историю применения и последующего изменения закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Присутствие субъектов экономической деятельности одновременно и в формальном и в неформальном секторе создавало огромные конкурентные преимущества для неформальных кланов на формирующемся рыночном пространстве [18]. Эти преимущества, находящиеся в распоряжении околоставных бизнес-групп, использовались при захвате, прежде всего, наиболее выгодных, доходных кусков бывшей государственной собственности. Поскольку на мировом рынке, где только и можно было реализовать сверхдоходы на цели статусного потребления, спрос был, прежде всего, на сырьевые ресурсы, то именно в сырьевом секторе на фоне мер по либерализации внешнеэкономических связей, появились первыми финансовые империи и кланы олигархов, образованные сращиванием части чиновничьего аппарата и предпринимателей первой волны. Их экономическая активность получила мощный толчок к тому, чтобы стать рентоориентированной [19], то есть мотивированной на получение сверхдоходов за счет реализации своего статуса в системе управленческих отношений, в целях присвоения ренты от эксплуатации природных ресурсов. Их доминирование было особенно значительным в 90-е годы до наступления системного кризиса 1998 г., который носил не только экономический, но и политический характер. В результате он повлек и частичное обновление части элит, и принятие нового экономического курса, связанного с усилением присутствия государства в экономике.

Кризис 1998 г. сделал актуальным понимание коррупции в рамках третьего направления, которое признает коррупцию как симптом противоречивых процессов в политическом режиме и государственных институтах. Коррупция осознается как порождение связи политической борьбы отдельных партий, кланов, со слабостью государства, его дефрагментацией, вызванной сломом старых государственных структур [20]. Источник коррупции рассматривается здесь как результат некоего вакуума, который образовался в связи с распадом институтов государства, прежних форм социального и экономического контроля, отсутствием должной координации государственных функций, осуществляемых отдельными ведомствами [21].

В этой связи характерно наблюдение Рейсмана В.М., американского исследователя, который видел причины взяточничества, как системы, в борьбе конкурирующих социальных организациями за монополизацию привилегий, обеспечивающих статус государственным чиновникам [22].

Сухарев А.Я. отмечал, что в начале 90-х годов государство, «создало властно-управленческий вакуум в самом основании правопорядка», в результате которого создалась угроза в коррумпированном разложении госаппарата и смыкании части чиновников с уголовными кланами [23].

Джонстон М. подчеркивает, что в расколотых социумах, в отличие от стабильных, коррупция

пронизывает все общество. Она не поддается какому-либо стандартному определению, так как коррупция воспринимается как политически спорная и связанная с конфликтом интересов [24].

Роуз-Аккерман С. выделяет то, что, если либерализация экономики не сопровождается соответствующими реформами государственных структур, не регулируется конфликт интересов, отсутствуют пределы финансового обогащения и подкупа, то резко возрастает риск подрыва институтов и коррупции чиновничества [25].

Номоконов В.А. выявляет источник коррупции в деформации государства, подчеркивает, что коррупцию питают слабость, дезорганизация механизмов государства и отчужденность государства от народа [26].

Мишин Г.К. видит «суть коррупции не в подкупе, продажности публичных и иных служащих, а в нарушениях единства (дисфункциях), возникающих в процессе коллективного преследования общественных целей» [27].

Лунеев В.В. в своей фундаментальной работе «Преступность XX столетия» отмечал расширение коррупционной преступности [28]. Оно включает, не только примитивное взяточничество, но и лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политиков и государственных чиновников на высокие должности в корпорациях и частных фирмах, инвестирование близких коммерческих структур за счет средств госбюджета.

Все эти завуалированные формы коррупции объединяются получившим хождение в иностранной прессе термином «The Crony Capitalism» (Капитализм для своих).

В этих и в целом ряде других работ можно выделить следующие предпосылки политической коррупции.

- наличие конфликта интересов лиц, занимающих государственные должности в силу совмещения прямым или косвенным образом публичных и частных интересов;

- использование функций и возможностей публичных институтов должностными лицами на неправовой основе в целях оказания услуг частным лицам;

- деформация структур государства, выражающаяся в несогласованности функций отдельных структур правоохранительных и контрольных органов.

- слабость территориальных и профессиональных институтов самоуправления в реализации своих интересов;

- отсутствие в нормах права института конфискации имущества лиц, осужденных за коррупционные правонарушения, в том числе имущества, переданного другим лицам на праве доверительного управления, наследования и пр.

- иммунитет должностных лиц от ответственности за коррупционные правонарушения по истечении срока пребывания на государственных должностях.

- ограничения деятельности средств массовой информации.

Препятствиями к уменьшению политической коррупции являются традиционно высокая латентность совершаемых правонарушений данного вида, низкий уровень подотчетности публичных структур и должностных лиц демократическому контролю. Недостаточно четко закреплено законодательное разграничение публичной и частной сферы в деятельности бизнес-структур и органов государственной власти. Наблюдается стремление ограничить представление данных о доходах только вышестоящему начальству и закрыть их для публикации. Преодоление этого стереотипа дается с большим трудом. Механизмы, встроенные во взаимосвязь формальных и неформальных отношений экономических субъектов и государственных органов были подходящими инструментами культивирования коррупции. Как частные примеры, - практика уполномоченных банков, то есть банков «уполномоченных» держать счета госбюджета или таможенных органов, приватизация в виде выдачи заведомо невозвратного кредита государству под залог акций нефтяных компаний, уплата налогов через взаимозачеты и казначейскими обязательствами и многое другое, что было типичным для 90-х, прямо поощряли коррупцию. В условиях сохранения влияния факторов неформальной экономики эти механизмы - не только фон времени ушедших 90-х, они заложили структурные рамки для последующей коррупционной практики. В частности, на это указывает в 2010-2020 гг. практики госзакупок, теневая банковская деятельность, теневой вывоз капитала, большие масштабы контрабанды. В этих практиках отражаются также и несовершенство законов, разработка которых якобы запаздывает, а также так называемый «захват государства», термин, пришедший из западной криминологической литературы означающий деятельность по использованию частными структурами силы и возможностей государственных институтов для продвижения своих коммерческих интересов. «Захват государства – это феномен покупки влиятельными группами решений государственных органов, которые принимаются тем самым, исключительно в интересах корпораций или иных групп интересов» [29].

В таком контексте захват начинался задолго до официальной приватизации, со второй половины 80-х годов. В 90-х расширение сферы рыночного пространства в ходе реформирования осуществлялось предпринимательской элитой, занявшей к тому времени ключевые позиции в системе экономического регулирования, в той степени, в какой это обеспечивало рост ее доходов.

Успех рыночных преобразований официально связывался со степенью расширения рыночного пространства в бывшем госсекторе социалистической экономики. В этом контексте

возрастали коррупционные риски экономической политики, что стало еще одним направлением исследований системной коррупции [30].

Дальнейшая интенсификация междисциплинарных научных исследований коррупции повышает их эффективность и расширяет возможности применения их результатов в обеспечении ее превенции.

Список литературы

1.Голдман Маршалл [Goldman] Пиратизация России. Российские реформы идут вкривь и вкось. Новосибирск/Москва.: Фонд социально-прогностических исследований «Тренды», 2005. [Goldman Marshall Piratizacija Rossii. Rossijskie reformy idut vkriv' i vkos'. Novosibirsk/Moskva.: Fond social'no-prognosticheskikh issledovanij «Trendy», 2005 (In Russ).]

2.Быстрова А.С., Сильвестрос М.В. Коррупция и взяточничество: Аннотированная библиография российских изданий 1869-2002 гг. // А.В. Дука (Ред.). СПб.: Социологическое сообщество им. М.М. Ковалевского, 2004. [Bystrova A.S., Sil'vestros M.V. Korruptcija i vzjatochničestvo: Annotirovannaja bibliografija rossijskih izdanij 1869-2002 gg. // Duka A.V. (Red.). SPb.: Sociologičeskoe soobshhestvo im. M.M. Kovalevskogo, 2004 (In Russ).]

3.Максимов С.В. Коррупция, закон, ответственность. 2-е изд. Испр. и доп. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2008. [Maksimov S.V. Korruptcija, zakon, otvetstvennost'. 2-e izd. Ispr.i dop. M.: ЗАО «JurInfoR», 2008 (In Russ).]

4.Максимов С.В. (Ред.). Основы борьбы с коррупцией (системы общегосударственной этики поведения). М.: Спарк, 2000. [Maksimov S.V. (Red.). Osnovy bor'by s korrupciej (sistemy obshhegosudarstvennoj jetiki povedenija). M.: Spark, 2000 (In Russ).]

5.Долгова А.И. (Ред.). Криминальная ситуация в России и ее изменения. М.: Криминологическая ассоциация, 1996. [Dolgova A.I. (Red.). Kriminal'naja situacija v Rossii i ee izmenenija. M.: Kriminologičeskaja asociacija, 1996 (In Russ).]

6.Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука. 1990. [Gajdar E.T. Jekonomičeskie reformy i ierarhicheskie struktury. M.: Nauka. 1990 (In Russ).]

7.Левада Ю. Человек в корруптивном пространстве. Размышления на материале и на полях исследования // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5 (Сентябрь – октябрь). С. 7-14. [Levada Ju. Chelovek v korruptivnom prostranstve. Razmyshlenija na materiale i na poljah issledovanija // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2000(5), (Sentjabr' – oktjabr'): 7-14 (In Russ).]

8.Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные механизмы и современность. 2001. № 5. С. 5-24. [Zaslavskaja T.I., Shabanova M.A. Social'nye mehanizmy transformacii nepravovyh praktik // Obshhestvennye mehanizmy i sovremennost'. 2001. (5): 5-24 (In Russ).]

9. Явлинский Г.А., Брагинский С.В. Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России. М.: Изд. Дом Гос. ун-т ВШЭ, 2007. – 397 с. [Javlinskij G.A., Braginskij S.V. Stimuly i instituty. Perehod k rynochnoj jekonomike v Rossii. M.: Izd. Dom Gos. un-t VShJe, 2007. (In Russ).]

10. Волков В.В. Силовое предпринимательство. Экономико-социологический анализ. Изд. Дом ГУ ВШЭ. М.: 2005. – 352 с. [Volkov V.V. Silovoe predprinimatel'stvo. Jekonomiko-sociologicheskij analiz. Izd. Dom GU VShJe. M.: 2005. – 352. (In Russ).]

11. Максимов С.В. Коррупция в России // А.А. Аслаханов (Ред.) [и др.] Главный информационно-аналитический центр АРПО РФ. М.: 2001. [Maksimov S.V. Korrupcija v Rossii // A.A. Aslahanov (Red.) [i dr.] Glavnyj informacionno-analiticheskij centr ARPO RF. M.: 2001 (In Russ).]

12. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. [Barsukova S.Ju. Neformal'naja jekonomika. Jekonomiko-sociologicheskij analiz. M.: Izd. dom GU VShJe, 2004 (In Russ).]

13. Тимофеев М.М. Теневые экономические системы современной России: Теория-анализ-модель Учебник для вузов М.: Изд. центр РГГУ, 2008 [Timofeev M.M. Tenevye jekonomicheskie sistemy sovremennoj Rossii: Teorija-analiz-model' Uchebnik dlja vuzov M.: Izd. centr RGGU, 2008 (In Russ).]

14. Молотников А. Слияния и поглощения. Российский опыт. М.: Изд. Дом Вершина, 2006 [Molotnikov A. Slijanija i pogloshhenija. Rossijskij opyt. M.: Izd. Dom Vershina, 2006 (In Russ).]

15. Бессонова О. Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка. «Вопросы экономики» 2012 № 6. С. 57 ; Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008: 96 ; Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 гг. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2009 [Bessonova O. Tenevaja jekonomika: specifika faz v uslovijah razdatka. «Voprosy jekonomiki» 2012. (6): 57. ; Kordonskij S. Soslovnaja struktura postsovetsoj Rossii. M.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2008.: 96. ; Pappje Ja.Sh., Galuhina Ja.S. Rossijskij krupnyj biznes: pervye 15let. Jekonomicheskie hroniki 1993-2008 gg. M.: Izd. Dom GU VShJe, 2009 (In Russ).]

16. Белянова Е., Николаенко С. Воздействие коррупции на развитие бизнеса: эмпирическая оценка // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 91-106. [Beljanova E., Nikolaenko S. Vozdejstvie korrupcii na razvitie biznesa: jempiricheskaja ocenka // Voprosy jekonomiki. 2013. (9): 91-106 (In Russ).]

17. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. 2004. [Barsukova S.Ju. Neformal'naja jekonomika. M.: Izd. Dom GU VShJe. 2004. (In Russ).]

18. Вакурин А.В. Российская экономическая политика как макрофактор коррупции и теневой экономики. В монографии: Государственная

политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. М.: Научный эксперт, 2008. Т. 1, С. 272-282. [Vakurin A.V. Rossijskaja jekonomicheskaja politika kak makrofaktor korrupcii i tenevoj jekonomiki. V monografii: Gosudarstvennaja politika protivodejstvija korrupcii i tenevoj jekonomike v Rossii. M.: Nauchnyj jekspert, 2008; 1: 272-282. (In Russ).]

19. Росс М. Нефтяное проклятие. Как запасы углеводородного сырья задают направление развитие государства. / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Институт Гайдара, 2015. – 464 с. ; Даниленко Л.Н. Рентно-сырьевая модель экономики России и проблемы ее неоиндустриальной трансформации: Монография. ИНФРА-М, 2014.-360 с. [Ross M. Neftjanoe prokljatje. Kak zapasy uglevodorodnogo syr'ja zadajut napravlenie razvitie gosudarstva. / per. s angl. Ju. Kapturevskogo; pod red. T. Drobyshevskoj. M.: Izd-vo Institut Gajdara, 2015; 464. ; Danilenko L.N. Rentno-syr'evaja model' jekonomiki Rossii i problemy ee neoindustrial'noj transformacii: Monografija. INFRA-M, 2014; 360. (In Russ).]

20. Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.И. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков. Монография. М.: Дружба народов, 2008. –223 с. [Kabanov P.A., Rajkov G.I., Chirkov D.I. Politicheskaja korrupcija v uslovijah reformirovanija rossijskoj gosudarstvennosti na rubezhe vekov. Monografija. M.: Druzhiba narodov, 2008; 223. (In Russ).]

21. И. Симония Особенности национальной коррупции // Свободная мысль 21 века. 2010. № 7. С. 4-16 ; № 8 С. 19-24. [Simonija I. Osobennosti nacional'noj korrupcii // Svobodnaja mysl' 21 veka. 2010; (7): 4-16 ; (8): 19-24. (In Russ).]

22. Рейсман В.М. Скрытая ложь. Взятки: крестовые походы и реформы. / Пер. с англ. А.М. Яковлева, М.: Прогресс, 1988. – 328 с. [Rejsman V.M. Skrytaja lozh'. Vzjatki: krestovye pohody i reformy. / Per. s angl. A.M. Jakovleva, M.: Progress, 1988; 328. (In Russ).]

23. Сухарев А.Я. Феномен российской преступности: закономерность или атрофия власти? // Российская Федерация. 1995. № 13 С. 46-49. [Suharev A.Ja. Fenomen rossijskoj prestupnosti: zakonomernost' ili atrofija vlasti?// Rossijskaja Federacija. 1995; (13): 46-49. (In Russ).]

24. Джонстон М. Поиск определений: качество политической жизни и проблемы коррупции. // Международный журнал социальных наук. 1997. № 16. С. 21 -39. [Dzhonston M. Poisk opredelenij: kachestvo politicheskoi zhizni i problemy korrupcii.//Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk. 1997; (16): 21 -39. (In Russ).]

25. Роуз-Аккерман С. Демократия и великая коррупция. // Международный журнал социальных наук. 1997. № 16. С. 75-95. [Rouz-Akkerman S. Demokratija i velikaja korrupcija. // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk. 1997; (16): 75-95. (In Russ).]

26. Номоконов В.А. О стратегии борьбы с коррупцией. // Коррупция и борьба с ней. Сб. А.И. Долгова (Ред.) М.: Российская криминологическая ассоциация. 2004. С. 263-271. [Nomokonov V.A. O strategii bor'by s korrupciej. // Korrupcija i bor'ba s nej. Sb. A.I. Dolgova (Red.) M.: Rossijskaja krimonologičeskaja asociacija. 2004: 263-271. (In Russ).]

27. Мишин Г.К. О теоретической разработке проблемы коррупции. // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. Сб. материалов Международной научно-практической конференции под ред. В.В. Лунеева. М.: Юрист. 2001. С. 263-271. [Mishin G.K. O teoreticheskoj razrabotke problemy korrupcii. // Korrupcija: političeskie, jekonomičeskie, organizacionnye i pravovye problemy. Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii pod red. V.V. Luneeva. M.: Jurist. 2001: 263-271. (In Russ).]

28. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Изд. НОРМА. 1997. С. 267 [Luneev V.V. Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii. M.: Izd. NORMA. 1997. S. 267. (In Russ).]

29. Анतिकоррупционная политика. Уч. пособие для студентов по специальностям: управление, экономика, право, социология, политика. / Региональное Общество Фонд «Информатика для демократии «Фонд «Индем». Под ред. Г.А. Сатарова. – М.; «Спас» 2004. – 368 с. ; Левин М., Сатаров Г. Коррупция в России: классификация и динамика. // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4-30. [Antikorrupcionnaja politika. Uč. posobie dlja studentov po special'nostjam: upravlenie, jekonomika, pravo, sociologija, politika. / Regional'noe Obshhestvo Fond «Informatika dlja demokratii «Fond «Indem». Pod red. G.A. Satarova. – M.; «Spas» 2004; 368. ; Levin M., Satarov G. Korrupcija v Rossii: klassifikacija i dinamika. // Voprosy jekonomiki. 2012; (10): 4-30. (In Russ).]

30. В. Клейнер. Коррупция в России, Россия в коррупции: есть ли выход? // Вопросы экономики. 2014. № 6 С. 81-96. ; Acemoglu D., Robinson J.A. Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice // Journal of Economic Perspective / 2013. Vol. 27, No 2 P.173-192 [V. Klejner. Korrupcija v Rossii, Rossija v korrupcii: est' li vyhod? // Voprosy jekonomiki. 2014; (6): 81-96. (In Russ). ; Acemoglu D., Robinson J.A. Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice // Journal of Economic Perspective. 2013; Vol. 27, (2): 173-192.]

THEORETICAL FOUNDATIONS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS (TOGO)

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.8.84.1312

Malacoubame Kolani,

Hanchar Andrei I.

EI «Grodno State Agrarian University»

ABSTRACT

The conservative approach to development sustainability focuses primarily on the preservation of resources and transmitting them to future generations, while at the same time the main objective of the system is to reproduce and renew the natural resources already used. The evolutionary approach; considers a development from the perspective that global changes are occurring in the environment. It consists of making adjustments, which in turn will allow the evolution of the trajectory of society as a whole.

Keywords: sustainable development, evolutionary approach, economic system, rural problems, GDP, NDP, energy, Agro-industrial.

The evolutionary scenario involves the ecology of the economy, agriculture, the introduction of forward-looking innovations that respond to the challenges of the time (e.g. global warming), the orientation towards activities such as increasing the share of organic production, compliance with the climate agreements of bets. On this basis, it seems to us that a promising and favourable scenario for sustainable development is an evolutionary approach that, first, allows the rational use of available natural resources, and secondly, to preserve environmental resources, which in general will reduce the level of negative impact on changes in the environment. Despite this, according to L.G. Miller, the phrase "sustainable development" is a contradiction so from the point of view of content; sustainability and development. Thus sustainability is a firmness that is characterized by consistency, while development is certainly a concept in dynamics and having a sign of progressive or regressive variability. On the basis of this it is worth noting that the nature of the sustainable

development of the territory represents such a development of the socio-environmental and economic system, which is characterized by a very positive performance of the system in a stable state. The transition to sustainable development determines the search for new species of socio-economic development. It is not only at the level of countries or regions, but also in rural areas, where the preconditions for sustainable development are not developed. In addition, the emphasis on rural development is necessary for the village to reach a new level of development to tackle rural problems. The sustainable development of the rural community is also an ecologically, economically, socially reproductive and advanced development. This is a higher level and improve the quality of life of the rural population in a context of investment strategies. The table 1 provides a comparative analysis of existing views on the definition of "sustainable development".